

Предпосылки антипольской акции Украинской повстанческой армии: новые документы*

В статье рассматриваются условия и предпосылки антипольской акции Украинской повстанческой армии, сделан вывод о том, что резня началась вследствие массовой взаимной ненависти украинцев и поляков, вызванной рядом изменений в политической и военной ситуации в 1939–1942 гг. Особенно подчёркивается соперничество представителей двух народов в оккупационной администрации.

Ключевые слова: межэтнические противоречия, украинско-польский конфликт, оккупационная администрация, волинская резня, Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия, Армия Крайова.

Гогун Александр. Передумови антипольської акції Української повстанської армії: нові документи.

У статті розглядаються умови і передумови антипольської акції Української повстанської армії, зроблено висновок про те, що різанина почалася унаслідок масової взаємної ненависті українців і поляків, викликаній рядом змін в політичній і військовій ситуації у 1939–1942 рр. Особливо підкреслюється суперництво представників двох народів в окупаційній адміністрації.

Ключові слова: міжетнічні протиріччя, українсько-польський конфлікт, окупаційна адміністрація, волинська різанина, Організація українських націоналістів, Українська повстанська армія, Армія Крайова.

Gogun Oleksandr. Pre-Conditions of the AntiPolish Action of the Ukrainian Povstanskoj Army: New Documents. Are terms and pre-conditions of the AntiPolish action of the Ukrainian insurgent army examined in the article, a conclusion is done that a carnage began as a result of mass mutual hatred of Ukrainians and Poland, caused the row of changes in a political and military situation in 1939–1942. The rivalry of representatives of two people is especially underlined in of occupation administration.

Key words: mizhetnichni contradictions, ukrainsko-pol'skiy conflict, of occupation administration, Volhynia carnage, Organization of the Ukrainian nationalists, Ukrainian insurgent army, Army Regional.

В повете Грубешов [Люблинского дистрикта] поляки жгут украинские деревни, в дистрикте Львов украинцы жгут польские деревни. Происходящие там убийства столь зверские, что немцу попросту неясно, как можно убивать людей таким образом.

Из выступления командующего полицией безопасности в Генерал-губернаторстве, оберфюрера СС Вальтера Биркампа на заседании совета ГТ 19 апреля 1944 г. [8, 451].

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Вопреки тому, что по вопросу украинско-польского конфликта времён Второй мировой войны существует солидная историография, до настоящего момента вопрос условий и причин начавшейся резни недостаточно изучен.

Например, ведущий специалист по истории польско-украинского конфликта Гжегож Мотыка утверждал, что гром грянул среди белого дня: «Вначале ничто не говорило о том, что Волинь станет местом таких трагических событий. Ещё на переломе 1942–1943 гг. ситуацию в этом регионе позитивно оценивало польское подполье» [5, 311; 6, 109]. Хотя, очевидно, что в сообщениях офицеров АК, считавших себя защитниками всех граждан Второй Речи Посполитой, в том числе украинцев, мог быть значительный элемент субъективности.

Оригинальный тезис выдвинул американский полонофил Тимоти Снайдер о том, что причиной украинско-польской резни стал Холокост, точнее, опыт украинских полицейских в соучастии в этом преступлении, перенесённый в УПА [7, Passim]. Однако документальных подтверждений гипотезы до настоящего момента не приведено.

На основании ряда публикаций эмигрантской украинской историографии описывая пасторальное, просто идиллическое соседство украинцев с поляками в 1930-е годы, российский автор Марк

Солонин оппонирует безымянным злокозненным манипуляторам «Клио»: «Теперь нас хотят убедить в том, что эти люди так сильно обиделись на польскую власть, что через четыре года после разгрома и исчезновения 2-й Речи Посполитой «стихийно и массово» пошли резать, рубить топорами, колоть штыками, пилить пилами своих польских соседей? Причём произошёл этот «стихийный взрыв народного возмущения» именно там и именно тогда, где и когда появились вооружённые отряды УПА» [3, 165]. Не ясна даже формальная логика повествования: стихийное народное возмущение почему-то отделяется от появления Повстанческой армии.

Это представление распространено как в украинской, так и в польской историографии: этническая чистка началась преимущественно из-за политических противоречий между руководством АК и ОУН(б).

При этом упускается из виду та простая закономерность, что едва ли не любое межэтническая или межрелигиозная резня происходит вследствие не каких-то умозрительных конструктов руководства, а в результате массовой ненависти «глаза в глаза».

Поэтому опишем конкретные механизмы поступательного украинско-польского взаимного ожесточения.

Истоки украинско-польской розни уходят корнями вглубь столетий. Негативные стереотипы сознания приводили к тому, что поляки виделись украинцам спесивыми угнетателями, а украинцы полякам – дикими головорезами. В XX в. особого накала отношения между двумя славянскими народами достигли во время гражданской войны, а также в период Второй Республики Польской (1918–1939).

Украинское меньшинство, проживавшее на Волыни и в Галиции, в условиях польской этнократии всячески притеснялось. Никакого подобия национально-государственной или национально-культурной автономии на территории Западной Украины создано не было. Административно польская Украина была поделена на те же самые воеводства, что и остальная часть Польши.

Получить высшее образование на украинском языке в 1921–1939 гг. в Польше было невозможно, украинцам трудно было сделать карьеру на госслужбе, плюс ко всему украинцы, в большинстве своем крестьяне, испытывали социальный гнет со стороны польских помещиков.

Все эти меры содействовали террору со стороны УВО-ОУН, который, в свою очередь, вел к усилению террора властей.

На «восточные окраины» правительство Польши переселяло осадников – бывших солдат Войска Польского, долженствовавших «сберегать» и без них малоземельные восточнославянские территории в составе Речи Посполитой. Волынь до 1918 г. входила в состав России, поэтому поляков на этих землях в 1939 г. было не более 15 %, и среди них прослойка осадников была больше, чем среди поляков-галичан.

В Галиции, и часто на Волыни поляки и евреи составляли в городах большинство населения. Например, из жителей такого «бастиона украинского национализма», как Львов, в конце 1930-х гг. украинцев было только 14 %. Польское население Западной Украины составляло меньшинство, но меньшинство де-факто привилегированное.

Всё это дало себя знать в очередной раз в сентябре 1939 г. в виде повстанческой деятельности ОУН в Галиции [5, 70–74; 6, 48–51] и отчасти на Волыни, а также нападений отдельных представителей украинского населения на разбитые польские части. Политические органы Красной армии фиксировали высказывания украинцев с пожеланием вырезать всё польское население региона. Были отмечены случаи, когда пленные польские офицеры и солдаты просили органы НКВД усилить охрану лагерей, т. к. опасались террора со стороны украинского меньшинства [2, 411–412], в одночасье ставшего большинством.

Таким образом, уже в сентябре 1939 г. многие западные украинцы предстали в глазах поляков как предатели, не только не испытывающие благодарности за защиту от большевиков, но и стреляющие в спину армии, дерущейся «с врагами рода человеческого» – «гитлеровскими варварами» и «сталинскими извергами».

По обе стороны от новосозданной германско-советской границы власти рассматривали поляков как нелояльную группу населения, носителя «буржуазной государственности». Первое время органы НКВД видели в польском националистическом подполье основного врага. При этом проводилась своеобразная «коренизация» управленческого аппарата, то есть привлечение в силовые структуры и на госслужбу местного населения Волыни и Галиции – прежде всего, украинцев. Таким образом, в

милицію попало множество украинцев (в том числе и членов ОУН), которые не упустили случая выместить на поляках злобу за обиды 1920–1930-х гг.

То есть для поляков, внезапно ставших дискрименируемым меньшинством, украинцы предстали рьяными и мстительными пособниками оккупантов.

Летом 1941 г. довольно нелепым шагом для обеих меньшинств представлялось разделение Западной Украины, часть которой вошла в новосозданный Рейхскомиссариат (РКУ), часть – в уже существовавшее Генерал-губернаторство (ГГ). Уже 30 июля 1941 г. сотрудник немецкой полевой комендатуры в Дрогобыче писал, что западные украинцы за два года советского владычества не забыли притеснений со стороны польского режима, а присоединение Галиции к Генерал-губернаторству «...привело к осязательному разочарованию украинцев. Они не могут себе представить, что снова должны жить в одной административной области вместе с ненавидимыми ими поляками» [9, 29].

При этом волнообразный рост взаимных подозрений в связи с разочарованием от политики немцев отмечался уже через 2 месяца после начала войны. В сводке СД от 19 августа 1941 г. указывалось на пристальное внимание волинского населения к событиям на фронтах: «На Волини украинцы обеспокоены польской пропагандой о якобы катастрофическом положении на немецком фронте на востоке. К тому же [среди украинцев заметен] страх актов мести со стороны польских нелегальных организаций. Руководство, которое в настоящий момент находится преимущественно в руках группы Бандеры, ведёт, очевидно, исходя из политических целей, отнюдь не к успокоению. Везде [отмечается] идущее далеко обострение отношений между поляками и украинцами (Львов, Луцк, Ровно)» [10, 82].

Более того, ситуация 1939–1941 гг. в отношении местной администрации в 1941–1942 гг. повторилась с точностью до наоборот. Поскольку украинское население было менее образованным, чем польское, то немцы, чтобы обеспечить эффективный контроль над территорией, стали активнее, чем советские, привлекать к управлению поляков. В сводке СД уже 27 августа 1941 г. отмечались вполне предсказуемые последствия подобной политики: «Дальнейшее обострение противоречий между поляками и украинцами вследствие проникновения первых во все учреждения. Сейчас особенно резкая борьба за занятие должностей на железной дороге и [в медицинском] страховании. Только в единичных случаях наличествует благоразумие, [говорящее о том,] что недостаток украинских специалистов и чрезмерно высокие претензии украинцев являются главной причиной приёма поляков на службу» [10, 196].

Соперничество за занятие служебных мест было вызвано не только банальным стремлением к статусу, зарплате и влиянию: представители каждой национальности отлично понимали, что произойдёт, если представители братского народа займут большинство мест в аппарате оккупационной администрации.

В донесении подполья АК с территории Львовщины в мае 1942 г. говорилось именно об этом: «Настроение среди украинцев... Отношение к полякам враждебное и коварное, затрудняющее жизнь...» [14, 1–2].

О поведении поляков на немецкой службе сообщалось в одном из сообщений подпольщика ОУН с белорусско-украинского пограничья: «Если селянин пишет просьбу по-украински, то поляки говорят, что нужно писать по-немецки, а так как крестьянин не умеет писать по-немецки, то он полякам должен заплатить взятку, если же селянин пишет по-польски, то дело будет быстро решено.

Поляки хорошо запомнили те сёла, которые [в сентябре 1939 г.] при развале Польши [дружественно] встречали красных (из-за своей несознательности), или разоружали поляков. Теперь польская интеллигенция, которая хорошо владеет немецким языком, информирует немцев о тех сёлах как о партизанских гнёздах, и немцы расстреливали население тех сёл и жгли строения. Такая провокационная работа была более всего распространена в 1942 году...» [15, 2].

Кроме соперничества за рабочие места (в том числе в полиции), бывшего, вероятно, главной причиной роста брутализации, наблюдалось и расхождение двух этнических групп Западной Украины по разные стороны политических барьеров.

Постепенно активизировалось польское националистическое подполье, на что указывалось во внутреннем документе ОУН, фиксирующем положение весны 1942 г.: «Польские организации действуют на всём просторе севера з[ападно]-у[краинских] з[емель], однако в разных территориях под разными названиями... Их общая политическая программа: «Независимая Польша» – это их объединяет.

Все действуют против украинцев. Мы для них большие враги, может, больше, чем немцы. К евреям и москалям относятся благосклонно. Заметно значительное сотрудничество. На Пасху были раскиданы польские листовки противонемецкие и противоукраинские» [4, 110].

Большинство поляков постепенно стало видеть в нацистах большее зло, чем советы. К тому же между правительством В. Сикорского и СССР были заключены договорённости о взаимодействии. Это обусловило «левый поворот» польского меньшинства Западной Украины в 1942 г.

Об этом вспоминал командир дислоцировавшегося на Волини с 1942 г. партизанского отряда ГРУ полковник Антон Бринский. По его словам, связавшись с польским подпольем и населением Полесья, советские разведчики получили содействие: «Везде, где бы мы ни встречались с польскими трудящимися, мы слышали в их словах... уверенность, что Польша вернёт себе самостоятельность при помощи своего народа. Поляки, не участвовавшие ни в каких организациях, тоже помогали нам: сообщали ценные сведения, служили проводниками, укрывали наших людей, доставляли медикаменты и оружие» [1, 204–205].

В обзоре СД от 9 октября 1942 г. настроениям в среде польского меньшинства Волини и Полесья посвящалось несколько строк, подтверждающих слова украинца Бринского: «Позиция поляков также, как и прежде, обозначена двумя особенностями: с одной стороны, сильным выслуживанием, на которое указывают многие сотрудники немецких учреждений, с другой стороны – концентрацией на идее ссоздания великопольского государства после окончания войны» [11, 188]. Отмечая надежду поляков на то, что большевики после победы позволят снова создать польское государство, сводка указывала на тревожные для немцев сигналы: «Всё вновь и вновь наблюдается пособничество польского сельского населения [советским] бандам» [11, 188].

Пройдя рейдом по территории Ровенской области в конце 1942 г., советский украинец Сидор Ковпак подтверждал оценки немцев: «Настроение поляков по отношению к Советской власти, к Красной армии, красным партизанам исключительно хорошее. Многие поляки просились в наш отряд» [15, 2].

Таким образом, перед украинцами Западной Украины, в первую очередь Волини, польское меньшинство, и так не вызывавшее симпатий, предстало вредным лакеем трёх зол: администрации нацистов в 1941–1942 гг., находящихся в подполье польских националистов в 1942 г., и советов, в 1942 г. представленных красными партизанами.

В свою очередь, украинское меньшинство предстало для поляков тем же самым: злорадным пособником коммунистических властей в 1939–1941 гг., жестокими холоуями нацистских правителей в 1941–1942 гг., и скрытым сторонником террористической ОУН. Последняя, в связи с репрессиями коммунистов против легальных украинских партий и радикализацией настроений населения, планомерно наращивала своё влияние.

Иными словами, на территории Волини поляки и украинцы в течение трёх лет наблюдали, что любое изменение политической ситуации их соседи используют во вред им. В сознании представителей двух славянских народов стала проникать мысль, что рядом с ними находится группа крайне опасных существ, с которыми невозможно договориться.

К концу 1942 г. вражда достигла такого накала, что ситуация потихоньку начала уплывать из-под контроля немцев.

Об этом писал 1 ноября 1942 г. в обзоре ситуации генеральный комиссар Волини-Подолья Шёне, предположительно на имя главы РКУ Эриха Коха: «Напряжённые отношения между отдельными национальными группами, в особенности белорусами и украинцами с одной стороны, и поляками – с другой, особенно обострились. В этом есть определённая система. Попытки с какой-то враждебной стороны беспокоить народ» [12]. Эти строки в оригинале подчёркнуты – очевидно, либо автором, либо респондентом документа.

Тревога оккупантов нарастала. 25 февраля 1943 г. гебитскомииссар области Брест-Литовска заявлял в отчёте Шёне за январь-февраль 1943 г.: «...Неблагонадёжные для нас элементы из различных национальных групп используют немецкую администрацию для межнациональной борьбы друг с другом. Местами происходят случаи, когда, например, сельский староста, если он поляк, злоупотребляет своим положением против украинцев, или если он украинец, то делает то же самое против поляков. Я разбираю каждый такой случай в отдельности и привлекаю виновных к ответственности» [13].

Однако было уже поздно. Возникла Повстанческая армия, начавшая истребление части поляков с целью изгнания остальных с территории Западной Украины.

Вывод. О том, что этническая чистка не была «непопулярным шагом» праворадикальных политиков, свидетельствует поддержка населением длительной и явно бесперспективной антисоветской борьбы УПА, массовость которой в 1944–1953 гг. превышала показатели Прибалтики и Польши.

Список использованных источников и литературы

1. Бринский А. П. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. – Кн. 1 / А. П. Бринский. – Горький : [б. и.], 1966. – С. 204–205.
2. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : [б. и.], 2001. – С. 411–412.
3. Солонин М. Нет блага на войне / М. Солонин. – М. : [б. и.], 2010. – С. 165.
4. Поляки і українці між двома тоталітарними системами 1942–1945. Ч. 1. – Варшава ; Київ : [б. в.], 2005. – С. 110.
5. Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii / Grzegorz Motyka. – Warszawa, 2006. – S. 311.
6. Motyka G. Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła». Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947 / Grzegorz Motyka. – Kraków, 2011. – S. 109.
7. Snyder T. The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 / Timothy Snyder // The Past and Present Society. – Oxford : Oxford University Press, 2003.
8. Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. II. 1943–1945. Wydanie drugie. – Warszawa, 1972. – S. 451.
9. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1275, оп. 3, д. 661, л. 29.
10. Bundesarchiv Berlin (BAB), r 58/216, Bl. 82.
11. BAB, r 58/222, Bl. 188.
12. BAB, r 6/687 (листы в деле не пронумерованы).
13. BAB, r 94/8 (листы в деле не пронумерованы).
14. Archiwum Akt Nowych (AAN), 203/XV-24, k. 1-2.
15. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО), ф. 3833, оп. 1, спр. 116, арк. 2.
16. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО), ф. 1, оп. 22, спр. 50, арк. 21.

Сергій Погорельчук

Документи з фонду Миколи Лебеда про польсько-українську війну 1942–1947 років

У статті проведено джерелознавчий аналіз фонду № 9 «Збірка документів Миколи Лебеда» архіву Центру досліджень визвольного руху та описано джерельну базу до вивчення польсько-української війни 1942–1947 рр. Розглянуто документи створені українським та польським збройним підпіллям, вставлено потенційну інформацію, яку вони можуть містити, стосовно подій 1942–1947 рр.. Подано загальну характеристику джерел.

Ключові слова: польсько-українська війна 1942–1947 рр., архів, історичне джерело, Микола Лебедь, українське підпілля.

Погорельчук Сергей. Документы из фонда Николая Лебеда о польско-украинской войне 1942–1947 гг.

В статье произведен источниковедческий анализ фонда № 9 «Собрание документов Николая Лебеда» архива Центра исследований освободительного движения и описано источниковую базу к изучению польско-украинской войны 1942–1947 гг. Рассмотрены документы, созданные украинским и польским вооруженным подпольем, установлено потенциальную информацию, которая может в них содержаться. Дана общая характеристика источников.

Ключевые слова: польско-украинская война 1942–1947 гг, архив, исторический источник, Николай Лебедь, украинское подполье.

Pohorelchuk Serhiy. Documents from the Fund on Mykola Lebed' About Polish-Ukrainian War of 1942–1947 Years. This article presents the analysis of source fund № 9 «Collection of documents Mykola Lebed» of archive Liberation Movement Research Center and describes the source database to the study of Polish-Ukrainian War 1942–1947. Considered documents created Ukrainian and Polish armed underground, inserted the potential information. Filed general characteristics of sources.

Key words: Polish-Ukrainian War 1942–1947's, archive, historical documents, Mykola Lebed', the Ukrainian underground.